

DOI10.25991/VRHGA.2021.21.4.025

УДК 1 (091)

*Д. Ю. Брагинский**

ПРОКОФЬЕВ И ШОСТАКОВИЧ: СПОРТ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ**

Статья посвящена теме спорта в жизни и творчестве Сергея Прокофьева и Дмитрия Шостаковича. Личности крупнейших композиторов XX в. рассматриваются в статье в необычном ракурсе: Прокофьев и Шостакович были страстными поклонниками спорта с юности и до последних дней жизни. Главной целью автора статьи стало создание панорамы спортивных сюжетов и фактов в рамках биографий обоих великих композиторов. Спортивные сюжеты включают самые разнообразные виды спорта, которые привлекали внимание обоих композиторов — футбол, теннис, шахматы и спортивные карточные игры.

Ключевые слова: Сергей Прокофьев, Дмитрий Шостакович, футбол, шахматы, теннис, покер, бридж.

D. Yu. Braginsky

PROKOFIEV AND SHOSTAKOVICH:

THE SPORTS IN THE LIFE AND CREATIVE ACTIVITIES

This article is devoted to the theme of sports in the life and activities of Sergei Prokofiev and Dmitry Shostakovich. The identities of the greatest composers of XX century are examining in the article from an unusual angle; Prokofiev and Shostakovich were the avid sports fan from an early age until the last days of life. The article's author aimed to depict a panorama of the sports events and facts in the both great composers biography. Sports stories include a wide variety of sports that have attracted the attention of both composers — football, tennis, chess and sports card games.

Keywords: Sergei Prokofiev, Dmitry Shostakovich, the football, tennis, chess, poker, bridge.

* Брагинский Дмитрий Юрьевич, кандидат искусствоведческих наук, преподаватель, Средняя специальная музыкальная школа Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова; dmi-braginsky@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00859 «Творчество С. Прокофьева как феномен отечественной и мировой культуры».

Прокофьев и Шостакович не могли жить без спорта.

Спорт невероятно интриговал их обоих. Возможно, это было самым серьезным увлечением их жизни, с молодости и до преклонных лет.

Нет, композиторы не бегали по зеленому газону, не водили мастерски мяч от ворот до ворот. Оба они носили очки с толстыми стеклами, да и не отличались особой ловкостью и сноровкой. Прокофьев и Шостакович никогда не играли на поле, но, в тоже время, ярко раскрыли свой спортивный талант в футболе.

У каждого, кто серьезно занимается футболом, должно быть свое амплуа — защитник или полузащитник, нападающий или вратарь. Любому важно найти свое место, определить свою роль в спортивном ансамбле.

Например, Набоков так вспоминал о своей молодости: «Я особенно увлекался футболом, тем, что называли футболом в России и старой Англии, а в Америке называют соккер. Как иной рождается гусаром, так я родился голкипером» [6, с. 297]. Конечно, эти слова принадлежат писателю Владимиру Набокову, автору «Лолиты», а не знаменитому хоккейному вратарю Евгению Набокову, выступавшему за сборную России на Олимпиадах в Турине (2006) и Ванкувере (2010), а также на чемпионате мира 2008 г. в Квебеке.

Как иной рождается голкипером, так Прокофьев и Шостакович родились любителями-спортсменами и болельщиками. Скорее, даже профессиональными болельщиками. В спорте они знали толк. Они разбирались в игре как эксперты, как тонкие ценители, как истинные гурманы.

Спорт присутствовал в жизни Прокофьева и Шостаковича практически ежедневно, в той или иной форме. На протяжении многих лет их обычное утро начиналось со знакомства со свежей прессой. Газета «Красный спорт», позже сменившая название на «Советский спорт», неизменно входила в круг их чтения. Привычка читать «Спорт» была не просто традицией, а насущной потребностью, они постоянно выписывали газету на домашний адрес.

Будучи болельщиками по призванию оба порой не могли отказать себе в удовольствии стать участниками реальной игры, причем в разных видах спорта. Конечно, они никогда не рассекали коньками лед, орудия хоккейной клюшкой, но могли порой «покатать мяч» на футбольном поле, появиться с ракеткой на теннисной площадке или взять в руки шахматные фигуры.

В своих «Дневниках» Прокофьев вспоминал о 1922 г.:

С половины июля Б. Н. (Борис Николаевич Башкиров (1877–1930), друг Прокофьева, обеспеченный любитель искусства, писавший стихи под псевдонимом Борис Верин. — Д. Б.) и я заиграли в теннис, так как мальчишки из монастырской школы (привилегированной и очень благоустроенной) уехали на каникулы и очистили место: при школе был теннисный корт и директор разрешил нам играть. Играли мы с огромным удовольствием, хотя и неважно, но под конец немножко подтянулись. Б. Н. меня бил (чему очень радовался). Давая вперед пятнадцать, он всё еще выигрывал, давая тридцать — проигрывал. Зато шахматный матч (из лёгких партий) кончился снова моей подавляющей победой. Матч игрался в июле и августе до ста партий. Я выиграл сто, Б. Н. тридцать четыре. Так как происходили бурные ссоры из-за обоюдных обвинений в долгом думанье, то были выписаны контрольные часы, а мною придумано превосходное правило: тот, кто думает

больше другого на пять минут, проигрывает партию, (вернее, его противнику просчитывается очко, а эта партия продолжается). Это правило тем хорошо, что не определяет скорости игры, но если один начинает играть скорее, то он тянет за собой и другого [7, с. 203].

Весной 1939 г. Шостакович писал из Крыма одному из своих консерваторских учеников: «Я провожу отдых тихо. Погода прекрасная. Настроение тоже. Ничего не делаю. Играю в теннис и добиваюсь некоторых успехов» [13, с. 2]. Как иллюстрация к письму сохранились фотографии, сделанные Ниной Васильевной Варзар в безмятежной Гаспре как раз в те дни: улыбающийся, счастливый Шостакович с теннисной ракеткой в руке. Семейные истории рассказывают, что Дмитрий Дмитриевич впервые встретил свою жену Нину на теннисном корте [10, с. 194].

Шостакович в совершенстве знал теннисные правила и даже судил любительские матчи. Но, скорее всего, композитор больше любил сам играть в теннис, чтобы ощутить непосредственную радость состязания.

Настольные игры позволяли почувствовать себя не зрителем, а полноправным участником действия в спорте — как Прокофьеву, так и Шостаковичу. Прокофьев мог при случае взять в руки бильярдный кий, раскладывал пасьянсы, проводил время за шахматами и картами.

Азартные игры нашли отражение даже в творчестве Прокофьева и Шостаковича. Прокофьев написал оперу «Игрок», основанную на сюжете одноименного романа Достоевского, а Шостакович — неоконченную оперу «Игроки» по пьесе Гоголя. Любопытно, что Шостакович начал работать над произведением вскоре после того, как И. Стравинский написал балет «Игра в карты».

Мотив шахматной игры, к сожалению, не прозвучал в музыке Прокофьева и Шостаковича, хотя музыкальный театр XX в. не прошел мимо этой идеи. Например, сюжет балета английского композитора Артура Бласса «Шах и мат» («Checkmate») разворачивался на гигантской черно-белой клетчатой доске с шахматными фигурами в качестве персонажей, а в сценарии балета чешского автора Богуслава Мартину «Шах королю» («Echec au Roi») шахматная идея причудливо сочеталась с реалиями игры в карты.

Для российских поклонников покера день 16 марта 2007 г. стал знаменательной датой: именно тогда вышел приказ о признании покера и бриджа официальными видами спорта в нашей стране. Если бы это случилось раньше, Прокофьев и Шостакович с полным правом могли бы считаться заслуженными мастерами спорта: композиторы провели немало времени за покерным и бриджевым столом. Как отмечает исследователь, «на парижской квартире Прокофьевых в тридцатые годы устраивались чемпионаты по карточной игре “бридж”» [1, с. 286]. Один такой чемпионат продлился четыре дня: табачный дым в просторных комнатах стоял коромыслом. Виолончелист Григорий Пятигорский, несколько раз бывший партнером композитора по игре в бридж, вспоминал, что Прокофьев мог выражать недовольство ходом и результатами игры в карты в весьма резкой манере, и однажды они даже чуть не разругались, но композитор сумел помириться.

В письме к другу весной 1932 г. Шостакович сообщал: «Вчера играл в покер с Абрамом Яковлевичем, Абрамом Игнатьевичем и Абрамом

Абрамовичем. Три Абрама. Несмотря на это проиграл 49 руб. Больше событий никаких не было» [4, с. 3]. Через полгода он писал тому же адресату: «Из Киева приеду в Москву. О приезде извещу тебя по телеграфу. Ничего не имел бы против покеришки» [4, с. 4]. Режиссеру Леониду Траубергу Дмитрий Дмитриевич писал:

Дорогой Ляня. Возвращаясь от тебя в последний раз вместе с писателем Зоценко, мы, оживленно беседуя, пришли к следующим выводам:

Та игра в покер, которую мы сейчас ведем, это не та игра;

Выигрыш, ровно как и проигрыш мало отражается на бюджете мастеров; Стоимость чипа десять должна быть повышена для пяти (5) рублей. Стоимость лимита должна быть повышена до пятидесяти (50) рублей;

Проведение в жизнь 3-го пункта значительно улучшит настроение выигравшего;

Проведение в жизнь пункта 4-го значительно ухудшит настроение проигравшего;

(Резюмирующий). Таким образом, игра приобретет соответствующие а) интерес и б) остроту.

А без «а» и «б» какая же игра [12, с. 2].

В Ленинграде у Прокофьева и Шостаковича существовала особая «покерная» компания, куда входил и писатель Михаил Зоценко. Сохранилось свидетельство А. Мариенгофа о том, что вспоминая Зоценко на ужине после его кончины, Дмитрий Дмитриевич не прошел и мимо карточной игры.

Шостакович приподнял рюмку:

— Мне бы хотелось выпить в память Михал Михалыча.

Молча выпили. Мы все по-настоящему любили Зоценко.

— Мне передавали, Дмитрий Дмитриевич, что вы были на его похоронах.

— Да, да, был. Конечно, был. Он лежал в гробу такой красивый.

И, сморщив переносицу под очками, повторил резко и быстро, словно рассердившись на кого-то:

— Очень красивый. Очень, очень.

И сам разлил по рюмкам коньяк.

— Давайте по второй. В его же память. Он был великий писатель.

И опять сердито сморщил переносицу.

— Великий, великий. А вот в покер играл отвратительно! Я терпеть не мог с ним играть. Как дурак он играл. Всегда проигрывал. Помните, как я убежал, швырнув карты? Это, Анатолий Борисович, у вас приключилось, на Кирочной. У Зоценко на руках флеш-рояль был. От короля-флеш. С джокером. А у меня тузовый покер. Так он, дурак, после третьего повышения — открыл меня. А ведь раздеть мог. Я бы лез и лез. Помните?

— Конечно, помню. Разве такие случаи в жизни забываются? Это ведь, Дмитрий Дмитриевич, не вторая или третья любовь.

Шостакович улыбнулся, обрадовался:

— Да-да! Мой тузовый покер нарвался на флеш. Такое в жизни не забывается. Это верно, это верно [5, с. 21].

Карты имели особый смысл для Шостаковича, его дочь Галина Дмитриевна вспоминала:

Он был азартный человек. Не только по отношению к футболу. Карты любил. Пасьянс раскладывал со значением, загадывал желание. Если расклад удастся, то сбудется. Завзятым картежником он, конечно, не был, но я слышала, что в молодости ставил довольно большие суммы. Да и при мне играл на немалые рубли. Для него важно было: цена выигрыша, цена проигрыша. Говорил, что это труд, выстраданное напряжение, его надо ценить. Пусть ты проиграл, зато испытал сильные эмоции [2, с. 3].

О размахе карточной игры молодого Шостаковича складывались легенды, известные по мемуарам; среди крупных проигрышей — рояль «Бехштейн» и музыка для эстрадно-циркового представления «Условно убитый». О. Дигонская, сотрудник Архива Д. Д. Шостаковича, затронула эту тему в одном из своих выступлений:

Заядлый картежник, Шостакович в привычной и приятной компании близких друзей Дунаевского и Падве в 1931 г. «продулся вчистую» (по обыкновению, в директорском кабинете ленинградского Мюзик-холла). В тот раз игра затянулась на сутки, и Шостаковичу сильно не везло. В результате он проиграл, поставив на кон очередной «пулечки» сначала 20 номеров музыки к ближайшему спектаклю, потом еще 20, потом — свой кабинетный рояль красного дерева. Рояль на следующий день он предложил купить Клавдии Шульженко, а его цена пошла на покрытие долга чести. Правда, непосредственный участник событий Леонид Утесов уточняет, что бедный композитор проиграл еще и пиджак и возвращался домой в одолженном пиджаке Дунаевского. К слову, тот самый кабинетный рояль красного дерева в 2010 г. был приобретен Ириной Антоновой Шостакович у наследников Клавдии Шульженко и теперь стоит в гостинной мемориальной квартиры Шостаковича в Петербурге на улице Марата, д. 9, кв. 7 (первый адрес композитора) [4, с. 3].

Фрагмент письма Шостаковича, отправленного в 1936 г. его близкому другу И. Соллертинскому, показывает, насколько игра порой захватывала Шостаковича:

Пребыванием в Одессе я недоволен: не выполнен план. Хотел я проехать по морю до Батума и обратно, но номер не прошел по самой вульгарной причине. Карты. Я два раза сел здесь за игру и проиграл 1000 рублей. Столько феноменального невезения у меня не было за всю практику. Сейчас я опять остался без денег и решил в связи с этим ехать домой [11, с. 194].

Наверное, главной настольной игрой как для Прокофьева, так и для Шостаковича всегда оставались шахматы. «Шахматная эпидемия», вспыхнувшая в СССР в начале 1920-х гг. и блистательно описанная в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» (глава XXVIII «Междупланетный шахматный конгресс»), не миновала и обоих композиторов. В юности Шостакович играл очень часто и позже с волнением вспоминал, как ему посчастливилось сразиться с легендарным российским гроссмейстером, чемпионом мира Александром Алехиным. Эта любопытная встреча состоялась в фойе ленинградского кинотеатра, где перед сеансом зрители — обыкновенные любители шахмат — по традиции, могли померяться силами:

Мне пришлось сыграть даже с великим шахматистом. <...>

На минутку незнакомец остановился у доски и стал рассматривать незавершенную партию. Стоит, изучает позицию.

Я подошел к нему и предложил:

— Давайте сыграем.

Мужчина оглядел меня с головы до ног, мягко улыбнулся и кивнул головой. Взяв с доски белые и черную пешки, разыграли начало. Жребий пал на него. Он сделал первый ход.

...Мой партнер разгромил меня с необычайной легкостью. Так я еще никогда не проигрывал.

— Будем знакомы, Алехин Александр Александрович...

С тех пор я стал страстным болельщиком своего случайного партнера. И когда через несколько лет, в 1927 г., в далекой Аргентине он выиграл матч у чемпиона мира Капабланки, я был просто счастлив и, вероятно, радовался не меньше, чем он сам. Ведь я был одним из его спарринг-партнеров [3, с. 353–354].

Непринужденное употребление в тексте интервью специфического словосочетания «спарринг-партнер» чрезвычайно показательно для Шостаковича. В разговорах о спорте он всегда использовал термины как настоящий специалист, необыкновенно точно и уместно. Интерес Шостаковича к шахматам не был исключительным явлением в его среде. Среди музыкантов той поры встречались действительно серьезные мастера этого вида спорта — Сергей Прокофьев, Давид Ойстрах, Марк Тайманов, Юрий Левитин. Ойстрах, например, наряду с самыми известными советскими гроссмейстерами, официально числился судьей XII шахматного чемпионата СССР, проходившего в 1940 г.

Сохранились по меньшей мере две фотографии, запечатлевшие Дмитрия Дмитриевича за шахматной доской: композитор в концертном костюме с бабочкой заснят в окружении музыкантов Квартета имени А. Глазунова. Известно, что с этим составом Шостакович трижды исполнял свой Фортепианный квинтет зимой 1940–1941 г.: 15 декабря в Малом зале Ленинградской консерватории, 2 и 5 января — в Большом зале Филармонии. В антракте одного из этих концертных вечеров Дмитрий Дмитриевич и разыграл шахматную партию. Еще одним подтверждением датировки снимка служит орден Трудового Красного Знамени на лацкане фрака Шостаковича: композитора представили к высокой награде полугодом ранее, о чем он упоминает в своем «футбольном» письме от 12 июня 1940 г.: «Я сегодня вернулся из Москвы. Там я провел 2 дня. Получил орден и посмотрел два матча: Спартак (М) — Динамо (М) 2–2, Локомотив — Динамо (Тб)» [13, с. 3].

В 1947 г. шахматная тема вошла в Гроссбух Шостаковича, который поместил туда сразу две итоговые таблицы — «Всесоюзного шахматного турнира» и «Международного шахматного турнира славянских стран памяти Чигорина». В 1950 г. внимание композитора привлекло «Женское первенство по шахматам», а через год «Международный шахматный турнир памяти Мароци. Будапешт». Вплоть до 1962 г. Шостакович заполнял свой Гроссбух шахматными выкладками, чередуя их с футбольными сведениями.

Шахматный авторитет Дмитрия Дмитриевича был настолько велик, что в 1966 г. корреспондент газеты «Известия» просил у него:

— А каковы ваши прогнозы относительно матча за шахматную корону?
— Петросян или Спасский? — уточнил композитор. — Пожалуй, Спасский. Говорят, легче завоевать чемпионский титул, чем добиться победы в борьбе с претендентом. Я тоже придерживаюсь такого мнения. Шахматы очень люблю. В них сочетаются искусство и наука. Они дают мне отдых и вдохновение [8, с. 4].

Прокофьев был довольно сильным шахматистом. В 1914 г. он победил в сеансе будущего чемпиона мира Капабланку, а в 1937 г. большой интерес общественности вызвал его московский шахматный матч с Давидом Ойстрахом.

С осени 1907 г. Прокофьев регулярно посещал петербургское Шахматное собрание, располагавшееся в ту пору по адресу Невский проспект, д. 55. Как отмечал И. Вишневецкий,

в стенах собрания он получил возможность наблюдать за игрой Эммануила Ласкера, Хосе Рауля Капабланки, Александра Алехина, Арона Нимцовича и многих других. Здесь он сразился с Ласкером и свел партию вничью (впоследствии в 1933 г. в Париже Ласкер всё-таки выиграл у Прокофьева), дважды проиграл, а на третий раз выиграл партию у самого Капабланки. В Шахматном собрании он познакомился с Борисом Башкировым (писавшим с июля 1916 г. под псевдонимом Б. Верин), сыграл с ним в 1914 году на пару партию против Алехина и тоже выиграл [1, с. 41].

Сын композитора Олег Прокофьев вспоминал:

Нужно сказать, что шахматы, несомненно, принадлежали к его любимым внемузыкальным занятиям. Для него шахматы, по-видимому, были больше, чем род «интеллектуального спорта». Мне кажется, что они служили ему чем-то вроде дополнения к сочинению музыки, возможно, своеобразной мозговой тренировкой комбинационной изобретательности, не лишенной спонтанного творческого начала. Был, конечно, и чисто спортивный момент движения, риска, уловки и победы. Спортивный дух был ему вообще свойственен, об этом писали многие, подчеркивая эту сторону, может быть, с излишней серьезностью, и в самой его музыке. Во всяком случае, мерой спортивности шахматной игры определяется, по-моему, и его спортивность... [1, с. 53]

Тема шахмат много раз появлялась на страницах «Дневников» Прокофьева:

Вечером проигрывал партии нью-йоркского турнира. Я за последнее время отвык от шахмат и теперь вернулся к ним с удовольствием [7, с. 370];

Играл с Эльманом в шахматы и чрезвычайно хотел у него выиграть. Я не мог простить ему, что в Чикаго он выиграл у меня партию. Но сегодня я разбил его быстро и легко: + 2 из двух. (Общий результат + 5–1 из шести) [7, с. 193];

По вечерам с Б. Н. играли в шахматы. Я выиграл два матча, один — серьезных партий, +5–2 = 2, другой из партий a tempo: + 100–40 [7, с. 227];

Б. Н. всех тут научил играть в шахматы. Я дал сеанс одновременной игры против семи человек (первый раз в моей жизни) и все семь выиграл [7, с. 237];

С Мишей Эльманом мы, разумеется, сейчас же сели за шахматы — старая rivalité! На этот раз он проиграл довольно быстро. Разыграл он довольно неплохое Ginoco piano, но затем был вял, потерял положение и я выиграл, пожертвовав довольно красиво фигуру [7, с. 381];

Шахматный турнир, о котором говорили уже три дня, наконец начался в составе шести человек. Так как обо мне уже составила слава как о чемпионе,

то вокруг моего стола всё время стояли зрители. Я играл внимательно и выиграл подряд четыре партии [7, с. 96].

Духом спортивности было пронизано творчество Прокофьева, что постоянно отмечалось и широко обсуждалось слушателями: «<...> это какой-то футболист в музыке, музыкальный спортсмен, посягающий на священные задачи музыкального искусства и спустивший его с заоблачных высот на землю!» [9, с. 9]

Увлечение Прокофьева спортом имело не любительский характер: к спорту композитор относился очень серьезно, его спортивные занятия носили систематический и постоянный характер. В юности композитор активно занимался гимнастикой в Российском гимнастическом обществе «Сокол». Это общество возникло и оформилось как «гимнастическое движение» в 60-х гг. XIX в. в ряде славянских стран — Чехии, Словении, Болгарии, Польше, Хорватии, Сербии. Первая «сокольская» организация в России появилась в Петербурге в 1879 г., в 1883-м — в Москве (Л. Н. Толстой и А. П. Чехов впоследствии вошли в ее ряды).

В 1907 г. Прокофьев оставил такую запись в своем «Дневнике»:

Штембер, Боря и я записались в гимнастическое общество «Сокол». Моя мама уже давно добивалась от меня поступления в «Сокол», находя необходимость физического развития. Я упирался: было некогда и лень. Но в августе, в Сонцовке, Д. Д. Сонцову удалось доказать мне, насколько необходима гимнастика и насколько бодрей будешь себя после этого чувствовать [7, с. 139].

Тема гимнастического спорта, спортивных занятий в разных контекстах и разных формулировках буквально пронизывает «Дневник» композитора:

...решил зимой усиленно делать сокольскую гимнастику... [7, с. 237];

Вечером был в «Соколе» и с большим удовольствием делал гимнастику. В эту зиму я буду исправно посещать «Сокол», он приносит много пользы [7, с. 349];

Вечером в «Соколе» делал гимнастику. С непривычки устал страх как [7, с. 350];

«Вольные игры развевают печаль, нас унесут в беспросветную даль...» — как поется в сокольской песне. За чаем сказал маме, что несколько «соколов» собираются в Гельсингфорс и предлагают мне сделать компанию [7, с. 361];

Вечером был в «Соколе» и с удовольствием изламывался на кольцах и «козлах» [7, с. 366];

Вечером не без удовольствия был в «Соколе» [7, с. 368];

Вечером «Сокол»... [7, с. 269];

Сегодня, идя в «Сокол»... [7, с. 373];

...я решил идти в «Сокол», а завтра послушать «Кармен». В «Соколе» в этой очереди мало народу, поэтому заниматься пришлось много. Изломали во как! [7, с. 375];

Вечером играл «Аиду» и был в «Соколе». Три предыдущих раза я ходил во вторую очередь. Сегодня я пришел в первую и было приятно попасть в оживление и толкотню. Фотограф снимал нас [7, с. 377];

Дома много занимался, а вечером был в «Соколе» [7, с. 379];

Вечером гимнастировал в «Соколе». Восьмого у них вечер и меня просят выступить в концертном отделении. Восьмого днем — спектакль «Аиды», вечером

в таких случаях всегда не знаешь, что делать, а потому и с готовностью согласился [7, с. 384];

Вечером зашел за мной Николай Штембер, и мы вместе отправились в «Сокол» [7, с. 386];

В «Сокол» я пошел не совсем охотно, но размялся в нем и гимнастировал с удовольствием [7, с. 388];

Вечеринка в «Соколе». Не особенно хочется идти, но надо, обещал в концертном отделении играть Сонату (№ 1). Во время игры пианино вдруг сломалось и перестало давать звук. Я полез смотреть, что случилось с механизмом, — в зале поднялся хохот. Мне самому стало смешно и, громко сказав публике: «Ничего не поделаешь, пианино не хочет играть», я ушел с эстрады. Пианино починили и я сыграл Сонату [7, с. 407];

Вечером был в «Соколе» с Николаем Штембер [7, с. 434];

Вечером пошел в «Сокол», в котором не был целых две недели. Хорошая вещь «Сокол» [7, с. 435];

...я устал от репетиций и вернулся домой в скверном расположении духа, которое, впрочем, без остатка было выгнано «Соколом» [7, с. 535].

Спорт и музыка в жизни Прокофьева были тесно связаны. Для гимнастического общества «Сокол» композитор написан Марш в мае 1913 г., о чем оставил воспоминания в «Дневнике»:

Швейцар передал мне записку от «сокола» Бориславского, просившего меня зайти в «Сокол 3» по поводу моего марша. В прошлом году на слова одного из «соколов» были сочинены марши Шолларом и даже маститым Кюи. Когда мне их показали, я сказал, что оба дрянь. На это мне резонно возразили, что ругаться-то я умею, вот лучше написал бы сам. Я ответил: и напишу! Сочинил им марш, очень глухой и вороватый, но страшно бойкий и с приятной, понятной мелодией. Марш понравился, я его подарил Бориславскому и забыл о нем. Теперь Бориславский, сообщая о том, что образовался «Сокол 3», просил меня придти туда переговорить о марше с тем, чтобы сделать его официальным маршем «Сокола3». Я охотно согласился; теперь марш надо провести через комитет, а пока меня записали в члены этого «Сокола». (Прежде я очень исправно делал гимнастику в «Соколе 1», но эту зиму не был ни разу и совсем отстал) [7, с. 283].

Гимнастический марш Прокофьева исполнялся регулярно, о чем можно прочитать в «Дневнике» композитора:

Провел вечер в «Соколе». Вчера маршировали под мой сокольский марш, который пользуется успехом» [7, с. 353];

Вечером с удовольствием делаю гимнастику в «Соколе» и играю «соколам» мой марш. Некрасивая «соколка» просит «брата Прокофьева» приходиться на полчаса раньше и играть марш для «соколов» [7, с. 354];

С удовольствием собирался отдохнуть в «Соколе». Как ни странно, а во время гимнастики отдыхаешь. Первое время делаю гимнастику невнимательно, но потом с большим удовольствием. После занятия в «Соколе», собравшиеся вокруг пианино, поют мой марш [7, с. 356];

Вечером был на сокольской вечеринке, которой предшествовало небольшое выступление лучших «соколов» и «соколят». Вот им-то мне и надо было играть музыку; для некоторых упражнений существовала специальная музыка (чешская очень приличная), но для других надо было сыграть просто какой-нибудь вальс,

и так как серьезные Вальсы были забракованы «соколами», то я опозорил свои седины, играя “*Songe d’Automne*”. Маршировали под мой марш, публика (большей частью тоже гимнастическая) очень забавно хлопала ладошами в такт на каждую четверть. Когда весь зал ритмично грохотал, выходило эффектно [7, с. 364];

Вечером пошел в «Сокол», в котором не был целых две недели. Хорошая вещь «Сокол!» Борис [по-видимому, Борис Захаров] взял мой марш и будет отдавать его граверу. Права издания я подарил «Соколу» [7, с. 434].

Днем <...> заходил в нотопечатню Шмидта по поручению «соколов», ибо Шмидт напечатал мой «сокольский» Марш. Его бы получить, да Шмидт в качестве немецкого подданного выслан и теперь в его учреждении ничего не добьешься [7, с. 506];

...идя в типографию Уля по поводу издания моего сокольского «Марша»... [7, с. 533];

Занес мой сокольский «Марш» в военную цензуру, а то без нее нельзя печатать [7, с. 535].

В музыке Шостаковича спорт зазвучал в самом начале его творческого пути, на старте, если говорить языком спортивных комментаторов. Двадцатидвухлетний композитор, уже переживший триумфальную премьеру своей Первой симфонии, в августе 1929 г. приступил к работе над «футбольным» балетом «Золотой век» по сценарию «Динамиада» А. Ивановского.

С начала 1920-х гг. российское искусство активно питалось спортивными идеями. Всеволод Мейерхольд насыщал свои постановки элементами физкультуры, разрабатывая «биомеханику», основанную на использовании гимнастики, бокса, фехтования и бега. Спортивная динамика так интриговала Сергея Эйзенштейна, что он ставил спектакль по классической, хрестоматийной пьесе А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» в гимнастических конструкциях, состоявших из атлетических снарядов и тренажеров.

Московский коллектив «Драмбалет» выступал с физкультурными танцевальными сюитами Асафа Мессерера. Николай Фореггер для своих актеров изобретал систему «тефизтренажа» (театрально-физического тренажа). Выступления многочисленных групп «Синяя блуза» увенчивались эффектными акробатическими «пирамидами».

«Наш бог — бег», — писал Владимир Маяковский, автор пьесы «Чемпионат всемирной классовой борьбы». В ней сочетались черты спортивного соревнования и политического памфлета: поединок двух борцов являлся аллегорией схватки политических лагерей — «красной» России и «загнивающего» Запада.

Культ спорта наполнял творчество Александра Родченко, работавшего вместе с Шостаковичем над постановкой пьесы «Клоп» Маяковского. Супруга и соратница Родченко, художник-дизайнер Варвара Степанова, не только создавала костюмы к спектаклям Мейерхольда, но и впервые в истории в 1923 г. разработала эскизы формы для советских футболистов.

Спортивный дух в музыке, театре и литературе воспринимался как дыхание авангарда, как биение пульса сегодняшнего дня. Этот пульс ощущался в музыкальных сочинениях Прокофьева и Шостаковича, не мыслящих жизни без спорта.

В 1935 г. Прокофьев написал Марш для Спартакиады. Советское правительство решило проводить Всемирные Спартакиады как альтернативу «бур-

жуазным» Олимпийским играм, и Первая Всемирная Спартакиада состоялась в 1928 г. в Москве. Под музыку Марша Прокофьева во время Спартакиады 1935 г. советские спортсмены маршировали во время парада, состоявшегося в Центральном парке культуры и отдыха в Москве, а сам Прокофьев наблюдал из ложи на Москва-реке.

В 1939 г. Прокофьев вместе со Всеволодом Мейерхольдом работал над планом выступления Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта на физкультурном параде в Ленинграде, готовившемся к 60-летию Сталина: Мейерхольд должен был писать сценарий, Прокофьев — музыку. Прокофьев уже приступил к созданию партитуры для этого события, но Мейерхольда арестовали в ночь с 19 на 20 июня, незадолго до парада, поэтому спортивные планы композитора так никогда и не осуществились.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневецкий И. Сергей Прокофьев. — М.: Молодая гвардия, 2009.
2. Галина Шостакович об отце и его балетах // Известия. — 2006. — 21 марта.
3. Д. Шостакович о времени и о себе. — М.: Музыка, 1980.
4. Дигонская О. Шостакович в «остром цейтноте» («Болт», «Условно убитый», «Оранго»). Доклад на Международной конференции «Легкая музыка от Дягилева до Шостаковича» в рамках IX Дягилевского фестиваля. — Пермь, 22.05.2015.
5. Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: в 3 т. — М.: Терра, 2013. — Т. 2.
6. Набоков В. Другие берега. — М.: Эксмо, 2017.
7. Прокофьев С. Дневник. 1907–1933. — М.: Классика-XXI, 2017.
8. Работа, дающая вдохновение. Интервью с Д. Д. Шостаковичем // Известия. — 1966. — 22 января.
9. Тюлин Ю. На пути к признанию: Страницы воспоминаний // Музыкальная жизнь. — 1966. — № 8.
10. Хентова С. Удивительный Шостакович. — СПб.: Вариант, 1993.
11. Шостакович Д. Д. Письма И. И. Соллертинскому. — СПб.: Композитор, 2006.
12. Шостакович Д. Д. Письмо к Л. З. Траубергу. 19 августа 1939 г. // РГАЛИ. — Ф. 3016. — Оп. 1. — Ед. хр. 153.
13. Шостакович Д. Д. Письмо к Ю. А. Левитину. 7 мая 1939 г. (рукопись) // Семейный архив Д. Д. Шостаковича.